

Леонид Канашин
Занимательное любоведение

Повести и рассказы

Леонид Канашин

**Занимательное любоведение.
Повести и рассказы**

«Издательские решения»

Канашин Л.

Занимательное любоведение. Повести и рассказы /
Л. Канашин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856521-2

Предлагаемые читателю истории, рассказанные прекрасным чистым полнзвучным русским языком и сдобренные тонким чувством юмора, увлекут его в мир невероятных любовных приключений. Вместе с героями книги читатель будет находить и терять любовь, наслаждаться и страдать, метаться, делать выбор и испытывать всю гамму чувств, выпадающую на долю влюблённого человека. И, без сомнения, ценные знания, полученные из этой книги, читатель сможет с успехом применить в своей повседневной любовной практике.

ISBN 978-5-44-856521-2

© Канашин Л.
© Издательские решения

Содержание

История Кавалерова Грини и Мани Лесковой	6
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Занимательное любоведение

Повести и рассказы

Леонид Канагин

© Леонид Канагин, 2024

ISBN 978-5-4485-6521-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

История Кавалерова Грини и Мани Лесковой

Я возвращался в Санкт-Петербург после новогодних каникул, проведённых в Москве. До отхода поезда оставалось минут пятнадцать, когда позвонила мама. Мы с ней сегодня уже говорили несколько раз, и вот она снова звонит.

«Да, мама... Да, всё хорошо!.. Нет, я не опоздал, я уже сижу в вагоне!.. Нет, ничего не забыл!.. Я вообще не буду окно открывать, не беспокойся, пожалуйста!.. Да, да, я позвоню обязательно!.. Спасибо!.. Папе привет!.. Ну, всё, мам, всё...»

Уф-ф!.. Через полгода я получу диплом юриста, а она опекает меня, будто я в детсадовской группе...

Я достал из сумки томик Прево, купленный на вокзале, и прикинул количество страниц – до Питера должно хватить. Хотя ехать предстояло ночью, в поезде мой организм спать упорно отказывался.

За окном было сумрачно и мело. Пассажиры, спасаясь от ветра и мороза, спешили пройти в вагоны. И только два человека, занятые беседой, казалось, не замечали стужу. Один из них, высокий, сутуловатый мужчина лет тридцати, не имел при себе никакой поклажи и являлся, судя по этому, провожающим. Другой, ниже ростом и моложе, держал в ногах брезентовый рюкзак. Его лицо показалось мне знакомым. Я взгляделся: неужели Гриня Кавалеров?..

С Григорием Кавалеровым мы учились в одном классе Академической гимназии при Санкт-Петербургском университете. В гимназию тогда принимали только лучших школьников Питера и Ленинградской области, но Григорий (мы его звали Гриней) всё равно выделялся среди нас своими знаниями и способностями. Директор гимназии и все преподаватели не могли на него нарадоваться, а училки, слушая его ответы, натурально плавились от умиления – ко всему прочему он обладал завидной, просто ангельской какой-то красотой.

Обычно пацаны таких не любят, но к Грине это не относилось. Он был свой парень. Жил он, как и все иногородние, в интернате при гимназии, а по воскресеньям отец забирал его домой в Гатчину. Гринин отец владел там нехилым бизнесом – сетью продовольственных магазинов и салонов связи. Мать Грини, как я знал, умерла, когда он ещё не учился в гимназии.

Гриня окончил гимназию с золотой медалью, что означало практически автоматическое зачисление на любой факультет университета, но осенью мы не нашли Кавалерова в списке студентов. Слухи по этому поводу ходили самые разные. Большинство считали, что отец отправил его учиться в Англию, то ли в Кембридж, то ли в Оксфорд. Были и такие, что говорили, будто он связался с лимоновцами и участвовал в нападении на приемную Государственной думы, после чего его, якобы, осудили и сослали на Колыму.

Послышался гудок, Гриня (я уже не сомневался, что это он) обнялся с провожающим, затем тот перекрестил его троекратно. Кавалеров закинул рюкзак на плечо и направился в вагон. Я вышел из купе. Через минуту Гриня показался в конце коридора. «Не беспокойтесь, я сама вам всё принесу и сама всё сделаю...» – нежно пела ему вслед пожилая проводница, и я понял, что прошедшие годы не отняли у Грини его природного обаяния.

Переходя взглядом от таблички к табличке, он добрался до моего купе и тут только обратил на меня внимание и сразу узнал.

«Лёшка, ты?!»

«Здорово, Гриня!»

Мы пожали друг другу руки.

«Ты в этом купе?» – спросил Гриня.

«Да! Ты тоже?.. Вот замечательно!..»

Кавалеров прошёл в купе. В это время поезд тронулся. Гриня приблизился к окну и помахал рукой.

«Друг меня провожал, – пояснил он минуту спустя, снимая куртку и садясь напротив. – Да ты, может быть, помнишь – Тимофей?»

Я не помнил. Мы не настолько тесно дружили с Гриней в гимназии, чтобы я мог знать всех его друзей. Несколько секунд мы сидели молча. Григорий был моим ровесником, но сейчас, несомненно, он выглядел гораздо старше меня. Ангелочком его теперь никто бы не назвал. Сейчас он скорее напоминал молодого греческого бога. Широкоплечего такого, с обветренным лицом, греческого бога в джинсе и меховых унтах.

«Ну что, Гриня, отметим встречу?.. Может быть, пива?..»

«Для такой встречи можно и что-нибудь покрепче».

Через полчаса бутылка виски, купленная нами в ресторане, потеряла уже половину своего содержимого; во всем мире не было людей более близких друг другу, чем мы с Гриней, и он рассказывал мне свою необыкновенную историю.

Я перескажу её, чтобы не утомить читателя, как можно короче, стараясь в то же время не упустить в своём повествовании ничего действительно важного.

Свой рассказ Гриня повёл с того дня и часа, когда мы с ним виделись в последний раз. Это было утро после выпускного вечера. Расставшись с нами на набережной Невы, он поехал к Тимофею в общежитие Ветеринарной академии. Тимофей был Грининым земляком, а также давним другом его старшего брата. Тимофей и Гринин брат учились в Гатчине в одной школе и вместе поступили в Санкт-Петербургский университет. Учеба в университете у Тимофея не заладилась, и перед второй сессией он по поддельной справке взял академический отпуск. Год он проболтался, подрабатывая на рынке грузчиком, затем вернулся в университет, но споткнулся на первом же экзаменационном барьере. Его всё-таки отчислили и сразу призвали в армию. После армии он какое-то время никак не мог определиться со своей судьбой, затем его прибило к «зелёным» и он понял, что его призвание – ветеринария. В тот год, когда мы с Гриней окончили гимназию, Гринин брат, будучи дипломированным экономистом, уже помогал отцу управлять компанией, а Тимофей ещё только учился на втором курсе Ветеринарной академии. Как видно, Гриня и Тимофей были очень разными людьми, тем не менее их связывала крепкая дружба, и Тимофей на правах старшего товарища опекал Гриню.

Накануне Грине позвонил отец и сказал, что он передал ему с Тимофеем двести тысяч рублей в качестве награды за золотую медаль. Гриня, конечно, ждал от отца подарка, но эта сумма его поразила. Хватит на классный компьютер, на крутой мобильник, и ещё останется куча денег. Гриня надеялся, что Тимофей поможет ему сначала выбрать компьютер, а потом перевезти его домой в Гатчину.

Тимофей, однако, предложил перенести поход по магазинам на завтра, а отъезд в Гатчину, соответственно, на послезавтра, потому что сегодня он собирался принять участие в митинге несогласных.

Гриня сторонился подобных дел, но ему захотелось увидеть, как это происходит, и он пошел на митинг вместе с Тимофеем. Митинг проходил на Дворцовой площади. Присутствовало около тысячи человек. Кроме «зелёных» на площади собрались «правые», яблочники, лимоновцы, коммунисты и граждане неопределённой политической ориентации – просто несогласные. Площадь была оцеплена милицией. У Александровской колонны какие-то люди, сменяя друг друга, говорили по громкоговорителю. Тимофей показывал Грине: смотри, вот Немцов!.. А это Каспаров!.. После каждого выступления толпа начинала скандировать. Кричали: «Сохраним природу!», «Чиновники – уроды!», «Путина – в отставку!», «Матвиенко – в отставку с прожиточной корзиной!», «Зурабова – в тюрьму!» Несмотря на грозные призывы, в толпе стояло веселье, все улыбались. Милиция спокойно наблюдала за происходящим.

Внезапно лимоновцы развернули какие-то неправильные лозунги, и сразу же милицейское оцепление распалось, на площадь с разных сторон устремились колонны омоновцев и стали избивать митингующих резиновыми дубинками. Двое омоновцев накинлись на Тимофея, свалили его на брусчатку лицом вниз, выкручивая ему руки. Гриня подскочил к одному из них и, схватив за ворот, стал оттаскивать. И тут же страшный удар сзади по голове сбил его наземь. Когда Гриня пришёл в себя, он был уже в наручниках, и его быстро-быстро, почти бегом, куда-то тащили. За аркой стояли милицейские автобусы, в один из которых Гриню и затолкали. Тут уже набралось много людей, но поминутно подтаскивали всё новых и новых.

Обезьянник милицейского отделения, куда привезли Гриню, был забит. Некоторые из задержанных имели на лицах синяки и кровоподтёки. На них смотрели с уважением. Народ и здесь не унывал. Периодически скандировались те же самые речёвки. К ним добавилось гневное «Са-тра-пы!», обращенное к милиционерам. Сатрапы сохраняли спокойствие и в дискуссии не вступали.

Вдруг в дальнем углу обезьянника Гриня заметил заплаканную девушку такой невероятной красоты, что у него перехватило дыхание. Ни в жизни, ни в кино, ни по телевизору не видел он раньше такой красавицы. Маленькая светлолицая девушка с толстой косой русых волос, с огромными синими глазами, одетая в голубую маечку, не скрывающую тонких беззащитных плеч, – скорей всего, подумал Гриня, это школьница, случайно попавшая, как и он, на митинг. Гриня смотрел на неё не отрываясь. Она почувствовала его упорный взгляд и потянула край юбки на белые округлые колени. Жест столько же произвольный, сколько и безрезультатный, так как юбка была слишком коротка. Между тем, Гриня ревниво заметил, что девушка произвела впечатление не только на него: многие из несогласных, – и молодые, и совсем дряхлые, под сорок, а то и больше, – бросали в её сторону мнимо рассеянные взгляды, и даже милиционер, важно расхаживающий с дубинкой вдоль решётки, периодически всматривался в её угол, как бы проверяя, не исчезла ли она куда.

Спустя часа два, задержанных стали по одному выводить из обезьянника, проверять документы и после составления протокола отпускать. Гриня вышел из отделения в числе первых, но вместо того, чтобы идти в интернат или к Тимофею, о судьбе которого ему ничего не было известно, он занял наблюдательную позицию за столиком летнего кафе, расположенного напротив милиции, и стал ждать появления синеглазой красавицы. Он понял, что, если сейчас не познакомится с ней, будет сожалеть об этом всю жизнь.

Освобождаемые выходили из милиции поодиночке и группами, но девушка всё не появлялась. После того, как вышел последний, Гриня напрасно ожидал ещё четверть часа, а потом вернулся в отделение. Обезьянник был пуст, и Гриня решил, что каким-то образом проглядел выход девушки. На всякий случай он спросил у дежурного, где она. Дежурный ответил, что она в положенном месте. Гриня поинтересовался, почему её не отпустили вместе со всеми. Дежурный сказал, что она задержана на другом основании, и её необходимо оставить на ночь для выполнения следственных мероприятий. При этом он гнусно осклабился. Потом дежурный спросил, кто он, собственно, такой? Гриня ответил, что он друг девушки. Дежурный длинно на него посмотрел и сказал, что парень он, по всему видно, неплохой, и он, дежурный, рад бы ему помочь и выпустить девушку, но дело уже зашло далеко, составлен протокол, начальство в курсе, так просто не договоришься, требуются определённые расходы...

Гриня понял, что надо заплатить, и спросил сколько. Дежурный ответил: «Пятьсот». Гриня полез в карман и достал пятьсот рублей. Дежурный уточнил: «Зелёных...» Гриня сказал: «Подождите, я сейчас...» Он вышел в тамбур и отсчитал из пачки, спрятанной в дальнем кармане, пятнадцать косарей...

«Сколько ты за меня заплатил?» – спросила девушка, как только они покинули отделение. «Неважно!» – ответил Гриня, пребывая на вершине блаженства от её благодарного взгляда.

Они прошли в кафе, в котором Гриня ранее её поджидал, и заказали кофе. Девушку звали Мария, и она имела литературную фамилию Лескова. Гриня спросил, как её звали в детстве родители. Она ответила: «Маня». Гриня сказал: «А меня – Гриня», и они дружно расхохотались. Вообще трудно было представить, что ещё совсем недавно Мария плакала. Теперь она смеялась по малейшему поводу. Обхватив себя руками, словно стараясь удержать смех в своём маленьком хрупком теле, Маня, хохоча, раскачивалась и наваливалась на стол, и это было так заразительно, что Гриня не мог удержаться и тоже принимался хохотать и тоже раскачиваться, невольно ей подражая.

Год назад Маня окончила девять классов в Архангельске, а потом приехала в Питер и поступила в колледж телевидения и шоу-бизнеса. Она прекрасно училась, но недавно ушла из колледжа, так как к ней постоянно приставал один препод, он просто не давал ей проходу, а когда понял, что ничего не добьётся, создал ей невыносимые условия. Теперь она не знает, что ей делать. Домой к родителям она возвращаться не хочет – стыдно, да и делать в нищем Архангельске нечего. Отец, узнав, что она ушла из колледжа, перестал посылать ей деньги – говорит: «иди работать, семья и так едва сводит концы с концами». В Питере с девятью классами можно устроиться только дворником, а какой из неё дворник? Из общежития её выгнали, и она сейчас живет там нелегально – так тоже долго продолжаться не может. Если бы она имела немного денег, то поехала бы в Москву и поступила в театральную школу Табакова. В этой школе, она слышала, всё бесплатно – и обучение, и проживание, и еда. Вообще в Москве больше возможностей, там клёво...

Гриня слушал её и всё больше понимал, как ему сегодня необыкновенно повезло: он встретил самую лучшую в мире девушку, он вызволил её из беды и в его силах сделать её счастливой.

«У меня есть деньги, – сказал Гриня. – Поедем в Москву вместе, я тоже буду там учиться».

На следующий день они уже ехали поездом в столицу. Перед отъездом Гриня зашёл к Тимофею и сказал, чтобы он отправлялся в Гатчину без него. Тимофей был жив-здоров, если не считать ссадины на лбу. Гриня не стал ничего говорить о своём отъезде в Москву, боясь, что Тимофей начнёт его отговаривать, а то и, чего доброго, сообщит отцу. Гриня, зная крутой нрав отца, опасался решительных мер, которые тот мог предпринять.

В Москве они сняли однокомнатную квартиру в Раменках. Со школой Табакова у Мани ничего не получилось: выяснилось, что в неё принимают учеников не старше пятнадцати лет, а Мане было уже семнадцать. Маня, впрочем, не особо горевала. Гриня предоставил ей свой бумажник в полное распоряжение, она купила себе кое-что из модной одежды, сделала пирсинг пупка и отчаянно зажигала на самых крутых дискотеках и в самых популярных ночных клубах. Где бы они ни появлялись, Маня сразу оказывалась в центре внимания: мужчины смотрели на неё и переводили взгляд на Гриню, оценивая свои шансы, дамы шептались о том, как она дурно одета и вульгарно себя ведёт.

Домой они возвращались обычно под утро и покидали постель далеко уже за полдень. Гриня до встречи с Маней был девственником, и его слегка обескуражило, что он не нашел подобного качества у Мани. Она рассказала ему трогательную историю про один единственный эпизод, в котором фигурировал архангельский мальчик, призванный в армию. Они собирались пожениться после его возвращения, но мальчика убили в Чечне.

Вопреки заявленной скромности опыта, в постели Маня выказывала завидную сноровку и безудержный креатив, и первое время Гриня, не догоняя, часто терялся и конфузился, что весьма забавляло и трогало Маню.

Между тем, финансы уже готовились к исполнению романсов. Почти два месяца Гриня не сообщал о себе ничего ни отцу, ни брату, поэтому о том, чтобы просить помощи у них, нечего было и думать, и Гриня, оставив былые мысли о поступлении в МГУ, занялся поиском работы. Он просматривал объявления в газетах, звонил, ездил на собеседования, но там, куда его соглашались взять, зарплаты не хватало бы даже на оплату жилья. Маню истощение кошелька, казалось, нисколько не беспокоило. Она говорила, что, в крайнем случае, им поможет её брат, который служит офицером где-то в Подмоскowie. Надо только узнать его адрес. Гриня отвечал, что он, слава Богу, не калека, чтобы быть на содержании у кого-либо.

Спустя некоторое время, Гриня стал замечать, что у Мани появились новые наряды и украшения, да и её расходы на развлечения не только не сократились, а, наоборот, увеличились. И ещё: порой при звонках на свой мобильный она стала уходить от него в ванную комнату... На его полушутливые расспросы Маня отвечала, что ничего интересного нет для него в дамских разговорах. Вероятно, решил Гриня, она всё-таки стала получать помощь от брата, но скрывает это, щадя Гринино самолюбие.

Однажды, возвращаясь с очередного собеседования, Гриня, не доходя квартал до дома, где они жили, неожиданно увидел Маню, выходящую из большого джипа с тонированными стёклами. Она послала кому-то, сидящему внутри, воздушный поцелуй и, цокая каблучками, направилась в сторону дома. Гриня остановился, как будто поражённый молнией, потом развернулся и пошёл в обратную сторону. Ноги привели его в соседний парк. Бродя потерянно по тропинкам и аллеям, он предавался самым мрачным размышлениям. Вначале он хотел с отчаяния утопиться в парковом пруду, потом решил, что лучше вернуться домой, задушить коварную изменщицу, а самому выброситься из окна... У него не укладывалось в голове, как она могла изменить ему! Ему, любящему её с такой невозможной силой, готовому за неё отдать свою жизнь... Ему, порвавшему ради неё с самым святым, что у него было – со своей семьёй... Ещё утром она так ласкала его и говорила ему о своей любви!.. О, подлая, подлая развратница и лгунья!..

Уже совсем стемнело, когда Гриня немного успокоился и думы его стали приобретать другое направление. С чего он решил, что Маня ему не верна? Может быть, в машине сидела какая-нибудь её подруга по дискотеке или фитнес-клубу? А скорей всего, это был её брат, получение денег от которого Маня так скрывает от Грини... Он тут бродит, как ненормальный, по кустам, а она сидит дома, беспокоится, что его долго нет, выглядывает в окна... Гриня решил ни о чём пока не расспрашивать Маню. Он уверил себя, что рано или поздно она сама расскажет ему обо всём.

Маня встретила его с заплаканными глазами, с упрёками за позднее возвращение, и у Грини исчезли последние сомнения в её верности. За ужином Маню не покидала печаль, и Гриня нет-нет да и ловил на себе её какой-то особенный взгляд. Гриня решил, что это проявляются остатки пережитого волнения, вызванного его долгим отсутствием.

Вдруг в дверь позвонили, и Гриня пошел открывать. При этом он заметил, что Маня поспешно вышла из-за стола и заперлась в ванной комнате. Гриня отворил дверь и увидел трех дюжих мужчин, в одном из которых он узнал охранника своего отца. Они, не говоря ни слова, отгеснили Гриню и прошли в квартиру, затем быстро нашли Гринины документы, и, не дав ему опомниться, силой вывели на улицу. В машине, стоявшей у подъезда, сидел Гринин брат.

«Извини, Гриня! – сказал он. – Так будет лучше для всех, а для тебя – в первую очередь!»

Утром следующего дня Гриня предстал в Гатчине перед отцом. Отца переполняли гнев и возмущение. Он яростно говорил о Гринином эгоизме и бессердечии, о том, как они с братом волновались, не имея о нём никаких известий, о том, что ради уличной девки Гриня предал интересы семьи и готов сгубить себе жизнь...

«Она не уличная девка! – крикнул Гриня. – Это моя девушка, и я её люблю так же, как ты когда-то любил мою мать!»

«Как ты смеешь ставить свою мать, эту святую женщину, рядом с этой мерзкой шлюшкой! – заорал отец. – Ты, похоже, не знаешь, что кроме тебя у неё был ещё другой ухажер, может быть, даже не один!»

«Это враньё!»

«А как же, по-твоему, я узнал ваш адрес?! Не догадываешься?.. Так знай: его мне сообщил её содержатель, очень известный и состоятельный, между прочим, человек, а она, чтобы от тебя, пацана наивного, избавиться, специально рассказала ему, как меня найти!»

«Всё равно не верю!» – сказал Гриня, дрогнувшим голосом.

«Как хочешь, – отец рубанул рукой, – только имей в виду, я не выпущу тебя за порог, пока ты не одумаешься!»

Так начался Гринин «домашний арест». Он мог находиться в любой из комнат отцовского особняка, но его попытки выйти на улицу пресекались охраной. Впрочем, Гриня и не сильно стремился покинуть дом, более того, он вообще старался без особой необходимости не выходить из своей комнаты и не общаться ни с отцом, ни с братом, ни с кем-нибудь ещё из рода человеческого. У отца была богатая библиотека. Гриня отобрал себе для чтения книги самых разных писателей, – зарубежных и отечественных, древних и современных, – и во всех этих книгах он находил великое множество примеров женского предательства и коварства...

Спустя несколько месяцев Гриню посетил Тимофей, который, как выяснилось, забрал свои документы из Ветеринарной академии и поступил в Московскую духовную семинарию. Тимофей в самых восторженных тонах рассказал об учёбе в семинарии и о новом смысле, который обрела его жизнь с тех пор, как он решил посвятить её служению Богу. Гриня ещё до приезда друга сделал вывод, что обычная жизнь среди людей никакого здравого смысла для него иметь не может, поэтому слова Тимофея легли на благодатную почву. Он обратился к отцу с просьбой отпустить его на учёбу в Московскую семинарию.

Отец после некоторых колебаний согласился. Он посчитал, что на церковном поприще у его, – не совсем, как уже стало очевидно, путёвого, – младшего сына будет больше шансов для преодоления своих дурных наклонностей. К тому же, он принял во внимание, что церковь сейчас не та, что прежде: теперь это власть, причем власть не только духовная, но и политическая, и экономическая, а раз так, то карьера церковная ничуть не хуже карьеры светской.

Гриня начал готовиться к поступлению в семинарию по книгам, которые прислал ему Тимофей.

Настало лето. Гриня приехал в Сергиев Посад и с блеском сдал вступительные экзамены, особенно поразив приёмную комиссию глубоким знанием истории Православной Церкви. Как когда-то в гимназии, Гриня и здесь, в семинарии, сразу стал одним из лучших учеников. К тому же, выяснилось, что у него очень красивый голос. Вскоре было замечено, что число прихожан в дни молебнов и песнопений, в которых в качестве послушника участвует Гриня, заметно возрастает по сравнению с другими днями. Многие люди, даже и далёкие от веры, стали специально приезжать в Троице-Сергиеву Лавру, чтобы послушать вдохновенный голос молодого обаятельного семинариста.

Подходил к концу первый учебный год. В один из вечеров, после завершения песнопений в Покровском храме, Грине передали, что у ворот Лавры его ожидает какая-то женщина. Гриня, гадая, кто бы это мог быть, направился к указанному месту. В стоящей за воротами модно одетой девушке он с замиранием сердца узнал Маню Лескову. Она стала более женственной за два года, прошедшие со дня их разлуки, и ещё более красивой. Маня молчала, глядя на него своими прекрасными глазами, и Гриня, весь трепеща, тоже не мог произнести ни слова. Наконец она заговорила. Маня сказала, что считала бы себя самым счастливым человеком в мире, если бы могла надеяться, что он когда-нибудь её простит. Без сомнения, она достойна самого глубокого презрения, но всё равно пусть он знает, что всё это время она любила только его одного и думала только о нём... Как часто вечерами она ждала, ждала как чуда, его телефонного звонка!.. Гриня слушал её, не в силах вставить хоть слово, и сердце его едва не разрывалось от нахлынувших чувств, от любви и нежности; невольные слёзы наполнили его глаза.

Усилием воли вернув себе дар речи, Гриня ответил, что он всегда был открыт перед нею и сейчас он тоже не будет скрывать, что по-прежнему любит её, любит так сильно, как ещё никто никого не любил на белом свете. Услышав эти слова, она с радостным возгласом бросилась в его объятия и стала неистово его целовать, одновременно рыдая и смеясь.

Когда шквал эмоций прошёл, Маня оторвалась от Грини и предложила ему сейчас же ехать с ней в Москву. Она сказала, что немедленно уйдёт от Ковалёва, что она теперь богата и они с Гринею будут жить не только в любви, но и в достатке. Гриня попросил подождать несколько минут, прошёл в семинарский корпус, собрал в небольшой узел самые необходимые вещи, затем снова вышел из семинарии, сказав на проходной, что через минуту вернётся...

За два года своей жизни со сластолюбивым богачом Ковалёвым Маня выманила у него около трёх миллионов рублей. Не доверяя ни банкам, ни самому Ковалёву, Маня держала эти деньги в сумке из кожзаменителя, а сумку хранила в ячейке камеры хранения Киевского вокзала. Добравшись до Москвы, Гриня с Маней первым делом забрали эту сумку и сняли номер в гостинице Балчуг с видом на Кремль. Затем Маня отправилась на квартиру, которую Ковалёв снимал для неё на Ордынке. Она сложила в чемодан все свои вещи, не забыв многочисленные украшения, подаренные ей Ковалёвым, и оставила ему поспешную записку с сожалениями об остывшем чувстве и с просьбой не искать её.

В Балчуге они прожили пять дней или сто двадцать часов, из которых вряд ли больше десяти провели вне постели. Затем они сняли не очень большой, но уютный дом в Барвихе, а также купили для Грини чёрный «Форд» и водительские права. Стоял дачный сезон, и в посёлке кучковалось много дам из гламурной московской тусовки. Со многими из них, как оказалось, Маня была на короткой ноге.

Лето пролетело, словно один день, и тусовка переместилась в столицу. Маня не выносила автомобильных пробок, и по её просьбе Гриня арендовал на осень и зиму ещё и двушку на Садовом кольце, где они стали проводить большую часть времени.

Неожиданно объявился Манин брат, Пётр Лесков – теперь уже не офицер (а если быть точнее, теперь уже не прапорщик) Кантемировской дивизии, а работник какого-то мутного частного охранного предприятия. Он снимал квартиру неподалёку и, увидев случайно младшую свою сестрёнку, понял, что она отнюдь не бедствует, как он себе представлял. С этого момента Пётр стал частым гостем Грини и Мани. Хорошо бы он приходил один, так он ещё приводил с собой своих многочисленных друзей, таких же, как и он, обжор и поддавальщиков.

Особенно им нравилось, взяв у Грини ключи, выезжать с девками «на шашлыки» в дом, снимаемый им в Барвихе. После одного из таких посещений Грине позвонили из Барвихи соседи и сообщили, что дом горит. Гринею пробил холодный пот – под одной из половиц этого

дома лежала сумка со всеми их деньгами. Гриня давно уже собирался перевезти её в московскую квартиру, но постоянно что-то мешало. Гриня прыгнул в «Форд» и понёсся в Барвиху, нарушая все дорожные правила.

Когда он приехал, пожарные уже сворачивали шланги. По мокрому пепелищу бродили хозяин дома и представитель страховой компании. Гриня тоже поковырялся в золе, но не нашел никаких остатков ни денег, ни сумки...

Гриня возвращался в Москву в беспредельном отчаянии. Невозможно было представить себе, как он сообщит Мане про утрату денег. Гриня всерьёз опасался, что вслед за деньгами он потеряет и её любовь. Считая брата Мани если не прямым, то косвенным виновником постигшего их несчастья, Гриня заехал к нему домой в надежде получить хоть какую-то компенсацию. Пётр заявил, что не даст ему ни копейки, так как ни он, ни его друзья не имеют никакого отношения к пожару, а что касается пропавших денег, то он бы на месте Грини так не убивался, потому что такую красоту, какой обладает его сестра, очень легко конвертировать в любую валюту. Он, Пётр, может хоть сейчас дать Грине телефон одного очень богатого и влиятельного человека, готового за ночь с Маней выложить весьма кругленькую сумму.

Гриня, возмущённый цинизмом Петра, набросился на него с кулаками, но тот, будучи физически гораздо крепче Грини, смеясь отбил все его наскоки и предложил другой вариант: самому Грине найти себе богатую старуху – с Грининой-то красотой и молодостью это будет совсем несложно. Гриня ответил, что он скорее умрёт с голоду, чем начнет торговать своей любовью.

«Я знаю ещё один красивый и немозолистый способ зарабатывать бабки, – сказал Пётр. – Карточная игра. У моих друзей есть знакомые, которые только этим и живут. Но имеется один нюанс: какой бы ловкостью рук ты не обладал, если станешь действовать в одиночку – попадёшься рано или поздно и будешь жестоко бит».

Гриня спросил, не может ли Пётр свести его с этими людьми, чтобы они взяли его в свою компанию. Петр ответил, что это не так просто, но он попробует.

Гриня покинул Петра несколько приободрённый, попросив его пока ничего не говорить сестре о несчастье с деньгами. Чтобы Маня ничего не заподозрила, он вынужден был срочно, – а потому недорого, – продать свой «Форд», объяснив ей, что сдал машину в ремонт. Чтобы растянуть вырученные деньги, он максимально сократил свои расходы (даже втайне от Мани стал обедать в «Макдональдсе»), в то же время ни в чём не ограничивая её. Она же, как нарочно, пристрастилась к игре в рулетку и спускала порой за ночь сумму, которой могло бы им хватить на месяц скромной жизни.

Настал день, когда Гриня остался с несколькими сотнями рублей в кармане. Размышляя, к кому бы он мог обратиться за помощью, Гриня вспомнил о Тимофее. До Сергиева Посада Гриня добирался на простом рейсовом автобусе. Через одного из семинаристов, бывших на послушании в Лавре, Гриня передал Тимофею записку о том, что ждёт его в парке, с внешней стороны монастырской стены.

Вопреки опасениям Грини, Тимофей пришёл сразу же и встретил его очень приветливо, ни словом не попрекая побегом из семинарии. Гриня чистосердечно рассказал ему обо всём, что с ним приключилось, о своей любви, с которой он не в силах совладать, добавив в заключение, что, как это ни прискорбно, служение Богу – видно, не его стезя. Тимофей ответил, что Бог милостив и прощает ещё и не таких грешников, но сейчас, как он понимает, Гриня больше нуждается не в Божьей, а в его, Тимофеевой, помощи, только он не представляет, какого рода помощь он мог бы Грине оказать. Гриня знал, что у Тимофея нет других доходов кроме скромной стипендии семинариста, и ему неловко было признаться, что он желает получить от Тимофея деньги. Наконец Тимофей по стыдливому молчанию Грини понял, какая помощь от него ожидается, и сказал, что у него есть небольшие сбережения, около десяти тысяч рублей, и он

готов их дать Грине с надеждой, что они не будут потрачены на какое-нибудь небогоугодное дело. Гриня клятвенно заверил Тимофея, что траты будут самые богоугодные...

Когда Гриня вернулся в Москву, Маня сказала ему, что его разыскивает Пётр. Гриня помчался к Петру. Манин брат, преисполненный важности, сообщил, что ему удалось договориться с группой честных шулеров, готовых принять Грину в свою компанию с испытательным сроком; только для начала хорошо бы их как следует угостить.

На ресторан денег явно не хватало, поэтому Гриня набрал различной еды и выпивки в «Пятёрочке» и пригласил будущих коллег к себе домой. Смотрины прошли успешно. Шулера остались довольны приемом. Они были в восторге от красоты Мани, а про Грину сказали, что с таким честным и располагающим к себе лицом его, несомненно, ждут очень большие успехи в их высокоинтеллектуальном деле.

Обучение и тренинги начались на следующий день. Гриня и здесь оказался замечательным учеником. Он с необыкновенной лёгкостью освоил различные трюки с подменой карт и колод, а также разучил множество условных знаков, которыми подельники обмениваются за карточным столом, используя направление взгляда, мимику, позы и жесты.

Дебют прошёл более чем успешно. За один вечер Гриня заработал около ста тысяч рублей. Проснувшись назавтра в объятиях любимой Мани, он снова почувствовал себя самым счастливым человеком на свете. В этот же день он накупил Мане множество подарков и вернул долг Тимофею.

Фортуна сопутствовала Грине и в последующие дни. Уже через два месяца они купили новый автомобиль, снова сняли загородный дом на Рублёво-Успенском шоссе, обставили его по Маниному вкусу самой дорогой мебелью, завели домработницу и наняли шофёра-охранника.

Вечерами, свободными от основной работы, Гриня тусовался вместе с Маней на самых модных вечеринках. Однажды Маня показала ему их фотографию в популярном глянцево-м журнале. Под фотографией была надпись: «Маруся Лескова, креативный дизайнер-декоратор, правнучка писателя-классика и её бойфренд».

Между тем, бизнес стал пробуксовывать: всё новые и новые московские казино, почуяв неладное, заносили Грину и его компаньонов в чёрные списки и не допускали за игорные столы. Доходы резко упали. Впрочем, Гриня уже сделал достаточно большие накопления, а со временем можно было перенести деятельность в провинцию, где народ, конечно, не столь денежный, но не менее азартный.

Выйдя однажды поздней ночью из клуба, Гриня и Маня обнаружили, что шофёр-охранник не ждёт их, как обычно, на клубной стоянке. Теряясь в догадках, они наняли такси и помчались по ночной Рублёвке, не особо волнуясь и не предполагая, что жизнь их уже круто изменилась. Ни машины, ни охранника не оказалось и дома. Также пропали все ценные вещи и все деньги. Исчезла и домработница...

Маня забилась в истерике, осознав, что они разорены. Гриня бестолково хлопотал около неё, бормоча, что он всё отыграет в ближайшие же дни, сам, однако, в это не веря. Потом он сделал панический звонок её брату. Пётр сказал, что он сейчас к ним приедет, что в милицию лучше не обращаться, так как проку всё равно не будет. Этот совет как раз и натолкнул Грину на мысль, что с обращения в милицию и следовало бы начать. Он начал туда звонить, но «02» всё время было занято. Уверив Маню, что милиция вмиг поймает подлых воришек, он вызвал такси и поехал в ближайшее отделение.

В милиции, вместо того, чтобы по горячим следам организовать поимку похитителей, сонный лейтенант подверг Грину нудным расспросам: кто он такой, на каком основании живёт по этому адресу, откуда у него такие деньги, кто проживает вместе с ним в этом доме, где находилась его сожительница Мария Лескова в момент совершения кражи и тому подобное...

В конце концов Гриня сказал, что он передумал подавать заявление, и уже по свету поехал домой.

Там его ждала новая пропажа – теперь исчезла Маня. Повсюду в доме были видны свидетельства её спешных сборов, а на столе в гостиной лежала записка.

Маня писала, что, несмотря на безумную её любовь к нему, в нынешнем их положении верность – совершенно излишняя и глупая добродетель. По совету брата теперь она возьмёт на себя заботу об их счастье и благополучии, потому что она не представляет себе, как они смогут сохранить свою любовь, если будут жить в нищете и голоде. Она просила Гриню не совершать никаких опрометчивых действий и не искать её, пока не получит известий о ней от Петра. Гриня тут же начал звонить Мане на мобильный, но он был отключен... Не отвечал и телефон Петра.

Трудно описать чувства, которые охватили Гриню. Он был убит горем, он был взбешён, он страдал от нестерпимой ревности, он, как никогда, ненавидел свою Маню и... любил её. Утомившись от переживаний, выпавших на его долю за последние часы, он, не раздеваясь, свалился в постель и заснул.

Гриня проснулся в три часа пополудни, и сразу весь ужас постигшего его несчастья снова завладел им. Он решил немедленно ехать к Петру и без всяких объяснений убить на месте этого негодяя. Едва он собрался выходить из дома, как Пётр Лесков явился сам. Гриня схватил с каминной полки увесистую бронзовую статуэтку и со словами «прощайся с жизнью, подлый сутенёр!» бросился ему навстречу.

«Гриня, – спокойно сказал Пётр, даже не пытаясь защищаться, – убей меня, но сначала всё-таки узнай хорошие новости, которые я тебе принёс».

«Говори, – вскричал Гриня, – но знай, что бы ты не сказал, это не спасёт тебя от смерти, ублюдок!»

«Хорошо, хорошо... – согласился Пётр, удобно располагаясь в кресле. – Вот послушай... Есть один очень достойный человек, я как-то о нём упоминал, он положил глаз на Маню, когда она ещё жила с Ковалёвым, и его люди, зная, что я её брат, тогда выходили на меня с очень выгодным предложением... Сегодня я устроил совместный обед Мани с этим господином в его особняке в Жуковке, кстати, недалеко отсюда. Да зачем скрывать? Это депутат Каипов! Слышал о таком?... Это не просто депутат, это сказочно богатый депутат! Вдовый!.. Правда, уже в солидном возрасте, но для нас ведь это неважно, не так ли?.. Так вот, сегодня Маня за обедом так его очаровала, что он решил с ней не расставаться! Он пообещал ей очень приличное содержание, а также в полное распоряжение особняк, где мы обедали, со всей прислугой. Я намекнул ему, что в связи с переездом у Мани возникнут немалые затраты, и Каипов, представь, сказал, что Маня сегодня же получит десять тысяч долларов для компенсации этих расходов... Так как я никогда не бросаю друзей в беде, даже несмотря на их чёрную неблагодарность, – тут Пётр покосился на статуэтку в руках Грини, – я решил не останавливаться на достигнутом и сообщил Каипову, что у Мани есть некоторые обязательства перед семьёй: на ней лежит забота о младшем брате, она не может оставить его одного без средств к существованию. Каипов сказал, что это не проблема, пусть ребёнок, то есть ты, Гриня, также живёт в особняке и находится на полном его содержании. Он хочет сегодня же с тобой познакомиться и ждёт нас к ужину... Теперь можешь меня убить, неблагодарный мой младший братишка!»

Гриня, с трудом сдерживавший себя во время монолога Петра, по окончании его пришёл к выводу о необходимости отложить казнь на некоторое время. Он подумал, что только с помощью Петра можно встретиться сегодня с любимой, чтобы попытаться отговорить её от губельного шага. От одной только мысли, что уже сегодня его Маня окажется в постели

с этим толстомордым депутатом и старый потаскун водрузит на его хрупкую и нежную крошку своё жирное тело, он едва не терял сознание.

Гриня настоял на том, чтобы ехать в особняк Каипова загодя, надеясь до ужина поговорить с Маней с глазу на глаз. Действительно, когда они приехали в Жуковку, депутат ещё не вернулся с заседания Думы.

Увидев Маню, Гриня набросился на неё с упреками, обвиняя в предательстве их любви. Маня поначалу уверяла его, что так будет лучше для всех, что надо смотреть на дело шире, без предубеждений, но видя, что Гриня всё больше и больше распаляется, что он, пожалуй, и в самом деле наложит на себя руки, если она разделит ложе со стариком, пошла на попятную. С чего он решил, сказала Маня, что она собирается ему изменить? Она вовсе и не собиралась спать с Каиповым, она только хотела получить от него обещанные подарки и десять тысяч долларов, а затем сбежать, оставив с носом. Наверно, это Пётр неправильно истолковал её намерения...

Гриня пришёл в восторг от таких её слов и попросил извинения за необоснованные упреки. Договорились, что после того, как они поужинают с депутатом, Пётр и Гриня не уедут домой, а будут ждать её в машине неподалёку от особняка.

Каипов приехал к девяти вечера, и Гриня был ему представлен. Депутат хотя и заметил, что он воображал себе мальчонку несколько помладше, отнёсся к Грине весьма благоклонно. Перед ужином старик вручил Мане пачку денег и шкатулку с украшениями, попросив их надеть. Когда Маня вышла к столу, сверкая бриллиантами и изумрудами, Каипов сказал: «Ну, разве не царица?!», и Маня зарделась от удовольствия.

Ужин прошёл весело. Гриня изображал деревенского недотёпу, депутат очень остроумно над ним подшучивал, и все смеялись. Пришло время гостям раскланиваться. Каипов выразил надежду, что Гриня скоро переедет к ним с Маней, и они будут видеться чаще.

Проводив гостей, Маня и Каипов разошлись по своим ванным комнатам. Маня, едва услышав, что у депутата зашумела вода в душевой кабине, прихватив деньги и шкатулку с драгоценностями, не торопясь покинула дом. Она приветливо кивнула охраннику, стоявшему у ворот, и скрылась в темноте. Гриня и Пётр ждали её у дома опального олигарха Ходорковского в машине с погашенными огнями.

Вернувшись домой, Гриня и Маня, наученные горьким опытом, прежде, чем отметить шампанским успешное завершение дела, под покровом темноты надёжно спрятали деньги в тайнике за пределами дома. Уже утром выяснилось, что эта предусмотрительность была не лишней: они ещё не встали с постели, как к их дому на трёх чёрных джипах подъехали суровые мускулистые ребята. Выбив двери, они связали Грину и Маню, не отошедших ещё от сна, и перерыли весь дом. Драгоценности лежали на виду, а денег незваные гости не нашли, поэтому молодых любовников погрузили в один из джипов и привезли в дом, где они славно поужинали накануне.

Маню поволокли куда-то наверх, в спальные помещения, а Грину заперли в подвале. Вскоре к нему спустился разъяренный Каипов в сопровождении двух мордovorотов-охранников.

«Молокосос! – заорал он. – Ты кого решил провести?! Ты разве не знаешь, что подо мной вся московская милиция?! Дурачка из себя тут вчера строил, клоун! Ты и твоя маленькая потаскушка, вы мне дорого заплатите за этот Камеди Клуб! Я вас на Колыму упеку!.. Где мои деньги?!»

«Спроси у своих дебилов – деньги лежали в шкафу!..»

«Какой ты, оказывается, трудный...» – вздохнул Каипов и кивнул охранникам.

Один из них сделал короткий шагок вперёд и резко ударил Грину в челюсть. Гриня свалился на бетонный пол. Охранники подняли его и посадили на стул.

«Послушай меня, мальчик, – сказал депутат, – пока я ещё добрый... Давай разойдёмся по-хорошему: ты возвращаешь мои бабки, а я отпускаю тебя и твою подружку на все четыре стороны. В противном случае тебя посадят за кражу, а её – за проституцию, но предварительно она... даст мастер-класс всем моим мальчикам!..»

«Хорошо, – ответил Гриня, – я согласен. Поедем, я покажу, где деньги».

Грине развязали руки, вывели его во двор и посадили в джип на заднее сиденье между двумя охранниками. Каипов устроился рядом с водителем. Садясь в машину, Гриня бросил взгляд на окна верхних этажей, и в одном из них он заметил бледное лицо Мани. Ему даже показалось, что она махнула ему рукой...

Вручив Каипову извлечённый из тайника пакет с деньгами, Гриня стал садиться в джип, но депутат остановил его:

«А ты куда? Всё, ты свободен!»

«Я за Машей» – ответил Гриня.

«Знаешь, приятель, я передумал... Всё-таки она мне должна, по крайней мере, одну ночь, да и мальчикам я уже пообещал... А утром я передам её милиции – пусть эта сучка похлебаёт тюремную баланду!»

«Подлец!» – закричал Гриня и бросился на Каипова, готовый задушить его, но охранники сбили Грину с ног, дверцы джипа захлопнулись, и автомобиль, обдав лежащего на земле Грину выхлопным чадом, выкатился за ворота.

Надо было как-то немедленно выручать Маню. Собрав все деньги, какие ещё оставались в доме, Гриня остановил частного и поехал в Жуковку, не имея пока никакого чёткого плана. В Жуковке Гриня высадился у кафе и отпустил машину. Со вчерашнего вечера он ничего не ел – немного перекусить совсем не мешало. Гриня сделал заказ и стал ждать.

Неожиданно к нему подсел мужчина в форме каиповского охранника. Гриня хотел тут же уйти, но мужчина сказал, что Грине нечего его бояться. Он сообщил, что он тот самый охранник, во время дежурства которого Маня ушла вчера вечером из дома. Разозлённый Каипов уволил его с сегодняшнего дня. Ему осталось только сдать форму и забрать в доме кое-какие личные вещи. Охранник сказал также, что очень тронут красотой и молодостью его девушки и готов помочь в её освобождении, он даже знает, как это можно сделать. Он готов это выполнить совершенно бескорыстно, но если Гриня заплатит ему, это будет очень кстати, так как Каипов уволил его без выходного пособия и даже без зарплаты за последний месяц.

Гриня чистосердечно признался, что сию минуту у него денег нет, но они появятся в ближайшие дни, и тогда он сразу выдаст охраннику не выплаченную Каиповым зарплату, а кроме того, может впоследствии взять его к себе на работу. Охранник, которого звали Михаил, вполне удовлетворился обещаниями Грини. Договорились, что через час Михаил выйдет вместе с Маней на просёлочную дорогу, идущую позади каиповской усадьбы, а Гриня в это время будет ждать их там с нанятой машиной.

Пробыв в кафе после ухода охранника ещё с полчаса, Гриня вышел на шоссе и остановил первое же свободное такси. Следуя указаниям Грини, водитель по пыльному просёлку проехал к нужному месту и загнал автомобиль в заросли придорожных кустарников. Таксист нервничал, ему явно пришлось не по душе эти манёвры.

Вскоре со стороны усадьбы показались Маня и Михаил, переодетый в штатское. Они шли быстро, чуть ли не бежали, и поминутно оборачивались.

Гриня вылез из кустов и замахал им руками. Тут таксист заявил, что, судя по всему, дело тут нечисто, приключения на свою задницу ему не нужны, в гробу бы он видел таких пассажиров, поэтому он никуда их не повезёт за сумму, меньшую, чем десять тысяч рублей. Деваться было некуда, Гриня пообещал заплатить ему десять тысяч, надеясь взять их у Петра Лескова, к которому они и направились.

Пётр, к счастью (так казалось вначале, а потом выяснилось, что – на беду), был дома. Гриня позвонил ему по мобильному и попросил выйти к машине. Лесков спустился и пришел в ярость, узнав, что таксист хочет получить десять тысяч рублей за двадцать километров пути.

«А этого ты не хочешь?!» – закричал он и ударил водителя по лицу, а когда тот, не дожидаясь нового удара, полез в машину, ещё и пнул его вдогонку.

Этим, однако, дело не закончилось. Таксист снова вышел из автомобиля, но уже с пистолетом в руке, и выстрелил прямо в грудь Петру. Лесков свалился, как подкошенный. Таксист бросился в машину, завизжала резина, такси сорвалось с места и умчалось по Сретенке в сторону проспекта Мира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.